

Надежда и Василий Ходаковы: «Театр кукол никогда не умрёт!»

Беседовала Ксения ЗЮЗИНА

28.04.2014 00:00

Мир театра кукол ещё более таинствен, нежели театр драматический или музыкальный. Взаимодействие куклы и артиста для зрителя - вещь непостижимая, а потому бесконечно притягательная, не случайно кукольное искусство существует с древнейших времен. Железнодорожники повезло: театр «Золотой ключик» постоянно радует горожан необыкновенными постановками, лучшими образцами кукольного жанра. Процветанию театра немало способствует и то, что в нём работают талантливые и самоотверженные люди. Сегодня мы встретились с заслуженными актёрами-кукольниками Надеждой Леонидовной и Василием Васильевичем Ходаковыми. Кстати, не без повода: 28 марта исполнилось 30 лет с тех пор, как эта звёздная пара работает в Железнодорожном.

- Надежда Леонидовна, Василий Васильевич, а какой была ваша первая встреча с театром кукол?

В.В.: Первый раз я увидел кукольный спектакль, когда мне было 12 лет, в Алтайском государственном театре кукол. Нам показали «Волшебную лампу Алладина». Я заразился этим жанром в этот же день: меня поразило, что актёров не видно, и куклы работают, как будто самостоятельно. После представления я прошёл за ширму, посмотрел, как там всё устроено, а потом нашёл в городской библиотеке книжку-пособие по изготовлению перчаточных кукол. Следуя инструкциям, сшил дедушку и бабушку и показал первоклассникам спектакль, сюжет которого придумал сам. Моя работа вызвала интерес, и вскоре я сделал внучку, собачку, кошечку и уже вместе с первоклашками поставил «Репку».

Но игрушки игрушками, а в шестнадцать лет пришлось задуматься о нормальной профессии. Начал наблюдать за природой, за птицами, животными, вёл дневник своих наблюдений. Собираясь поступать в Лесосибирский сельскохозяйственный институт на факультет егеря. Но судьба распорядилась так, что приехал я поздно, и приём на эту специальность уже закончился. А тут как раз объявили дополнительный набор на актёрский факультет театрального училища. Ну, думаю, не возвращаться же назад, подал документы. И поступил! В училище работали замечательные педагоги, у меня расширился кругозор, я всерьёз увлекся народными песнями, начал собирать пластинки с фольклором. А в 84-м окончил училище и приехал сюда.

Н.Л.: В театр кукол в детстве я не ходила. Знакомством с этим видом искусства можно условно назвать только просмотры оперетт по телевизору. В школьные годы я посещала драмкружок во Дворце пионеров и мечтала быть актрисой, но после выпуска поступила в педагогический институт на учителя начальных классов. Однако увлечение всё-таки пересилило, и, бросив педагогику после первого курса, я пошла в театральное училище. Поступление проходило легко. Правда, после второго тура мне предложили не драматическое, а кукольное отделение.

Поженились мы с Василием на втором курсе, а в «Золотом ключике» начали работать 28 марта 1984 года - это наш первый и единственный театр.

- Какова специфика работы именно в театре кукол?

Н.Л.: Когда над ролью работает артист-кукольник, он не только создает в себе характер и голос персонажа, но и передаёт его кукле, чтобы она ожила. И если артист - профессионал, то зрители сопереживают кукле, плачут с ней и смеются. Кроме того, есть и ещё одно важное отличие театра кукол от любого другого: в нашем театре нет амплуа, внешность и возраст не важны. В двадцать лет ты можешь играть бабушку, а в пятьдесят - медвежонка, лисёнка, колобка. В театре кукол больше свободы для самовыражения и интереснее работать.

- Существует ли в театре кукол импровизация?

В.В.: Конечно, в импровизации, кстати, и рождаются самые интересные находки. Режиссёр ведь видит картину в общем, а образ состоит из нюансов. На этапе создания спектакля от импровизации зависит очень много, а вот на премьере лучше не рисковать, потому что можно серьёзно подставить партнёра.

- Ваши самые любимые роли? Есть роли, которые хотелось бы сыграть?

Н.Л.: Меня об этом часто спрашивают, но в театре кукол ведь не мечтаешь сыграть Гамлета или Офелию, здесь важно, чтобы с тобой работал талантливый режиссёр, сценарий был интересным, а роль яркой. В девяностые годы в спектакле «Дядюшка Ау» я играла Ёжика - до сих пор с теплотой вспоминаю этого героя. И главное, совершенно не важно второстепенная или главная у тебя роль: спектакль - дело коллективное, и если одно звено выпадает, то вся постановка теряет свою прелесть. Партнёрство, зацепочки

друг с другом - всё это создаёт хороший спектакль. А ещё важна специфика работы: мы ведь взаимодействуем с партнёром через куклу, а значит, понимание и оценки - всё проходит через неё. Хотя иногда и в театре кукол артисты могут сами выходить в образах героев, и тогда взаимодействие, конечно, идёт как в драмтеатре - напрямую.

- В спектаклях, где есть живой актёрский план, работать, наверно, интереснее...

Н.Л.: Спектакли такого плана существуют у нас в репертуаре уже лет десять: здесь актёры сами становятся рассказчиками и персонажами. Особый приём, когда актёр-герой обращается к кукле: в этом случае он общается с куклой, как с ребёнком.

В.В.: А мне жаль, что сейчас мы всё реже и реже используем тростевые, перчаточные, гапидные куклы; всё больше - открытый план и планшетки. А ведь именно в верховой кукле заключена вся прелесть нашего театра, и если такой куклой управляет профессионал, на неё можно смотреть часами. Ширмовые спектакли с тростевой куклой производят волшебное впечатление на зрителя, ведь актёра не видно. Хотя современные критики часто говорят, что это старьё. Но всё-таки, я думаю, что театр кукол должен иметь в репертуаре подобные спектакли.

- Театр кукол откликается на новые веяния в искусстве?

В.В.: Конечно! Если театр живёт, эти процессы происходят неизбежно. Мне, например, интересно всё новое. Хотя, когда режиссёры начинают чересчур умничать, они часто изобретают велосипед. Есть и интересные идеи: например, Дмитрий Сарвин предложил нам поставить простую сказку «Три медведя», но с использованием мультипликации. Куклы и мультфильм взаимодействуют, работают в одном ритме, и этот приём делает спектакль очень живым.

- А кто более строгий зритель: ребёнок или взрослый?

Н.Л.: Дети воспринимают всё правильно, верят всему, что происходит на сцене. Это так вдохновляет артиста! Например, в одном спектакле мы раскидываем по залу воображаемую кашу, и они открывают рот!

В.В.: Маленький зритель более требователен, ребёнка никогда не обманешь. Сложность нашей профессии именно в этом. Взрослого можно отвлечь спецэффектами, а вот с ребёнком это не прокатит.

- Как происходит взаимодействие актёра и режиссёра в театре кукол?

Н.Л.: Все режиссёры интересны по-своему. Самое главное для хорошей работы, чтобы режиссёр, актёр и композитор нашли что-то общее. Приятно, когда режиссёр прислушивается к актёрам и принимает их предложения. Современные постановщики, кстати, всё чаще работают в такой демократической манере.

В.В.: Первым моим режиссёром был Николай Тихонюк. Именно за ним я приехал в этот город. В спектакле «Два мастера» он сразу дал мне главную роль. Вообще я не люблю играть героев, мне больше нравятся характерные роли, но Иван-Мастер получился таким, что после премьеры Тихонюк сказал мне, что в плане кукловодства утёр нос даже маститым актёрам. Потом к нам приехал молодой петербургский режиссёр Александр Иванович Иванов. С ним мы проработали не долго, но он запомнился как интересный амбициозный художник.

Особой строкой в моём творчестве идет Маркс Койфман - легенда кукольного мира, он много давал артистам и не запрещал актёрские находки, приветствовал, когда исполнитель находил в роли особые нюансы. Также мне посчастливилось работать ещё с одним крупным художником, известным не только в России, но и за рубежом - Юрием Фридманом. «Айболит-86» - стал первым спектаклем, который он поставил у нас. В нем я сыграл Бармалея. А следующей работой этого режиссёра в Железногорске стала древнегреческая комедия по Плавту. Этот спектакль Фридман поставил на меня, и роль Эвклиона действительно удалась. Тогда он сказал, что эта работа достойна почётногo звания. В последний свой приезд Юрий Алексеевич поставил «Крик морской чайки, повторенный трижды» - очень серьёзное произведение о Великой французской революции. Спектакль получился сложным и по физическому, и по психологическому настрою: в нём существовал и живой план, и кукла.

- Такие сложные спектакли находят своего зрителя?

В.В.: Если бы наш театр находился на Большой земле, мы бы до сих пор играли такие спектакли. Но у нас в городе люди не привыкли, что театр кукол работает не только для детей. Хотя и в Железногорске есть определённый круг людей, которые знают наш репертуар и не пропускают ни одной премьеры.

- Трудно ли актёру работать в закрытом городе, где нет возможности общаться с коллегами из других театров?

В.В.: Для обмена опытом существуют фестивали. Мы начали постоянно посещать их с легкой руки режиссёра Александра Иванова, и теперь выезжаем очень часто. Александр Иванович открыл нам «Сибирский регион» (фестиваль кукольников Сибири и Дальнего Востока) и фестиваль малых театральных форм «Улитка», где можно показать коротенькие камерные спектакли и антрепризы. На «Улитку» мы возили замечательный спектакль «Ваня Датский». Его идею нам предложила актриса Ольга Сторожева. Правда, изначально пьесы не существовало, а за основу мы взяли рассказ. Эффект от постановки был потрясающий, хотя оформление спектакля было более чем скромным: на сцене сидели три актёра в стилизованных под архангелов белых костюмах и сапогах, а рядом стоял ряд кукол. Из музыкального оформления - только звук колоколов, сделанных из обыкновенных труб разного диаметра. Удары по ним создавали эффект настоящего набата.

Конечно, для актёра выезд на фестиваль очень важен. Особенно для актёра из закрытого города: ведь мы просто варимся в собственном соку, а в нашей профессии нужно постоянно двигаться вперёд. Но не без гордости хочу сказать: наш театр всегда производит фурор на фестивалях. Причём как российских, так и международных.

- С чем связан такой интерес к нашему театру?

В.В.: Я думаю, с его живостью: мы готовы к экспериментам, не боимся сложных задач. Расскажу такую историю. Нужно было съездить на фестиваль «Кукарт», и в спектакле, который мы собирались туда везти, режиссёр Юрий Самойлов предложил мне сыграть Петрушечника. Для меня это, конечно, был шок: Петрушечник должен быстро менять голоса, управлять как минимум двумя куклами. Здесь требуется умение разговаривать со специальным пищиком - приспособлением, которое вставляют в рот, и, прижимая языком, добиваются разных тембров голоса. В процессе репетиций я проглотил два пищика, и, в конце концов, предложил режиссёру: пусть наш Петрушка разговаривает обычным человеческим голосом. На том и порешили. Фестиваль проходил в городе Пушкин. В этом спектакле я исполнял 9 ролей: Петрушку, его жену, генерала, цыгана, лекаря, смерть, лошадь и собаку. Другие артисты работали с пищиком, и я даже немного расстроился. Но критикам и зрителям наша работа понравилась больше остальных. Живой звук, нормальное общение и хорошее владение речевым аппаратом притягивают больше, чем какие-то приспособления. Мы с этим Петрушкой побывали на всемирном фестивале в Москве, возили его в Питер и даже в Германию.

- Актёр может управляться с огромным количеством кукол. А кукла может безболезненно переходить от одного хозяина к другому?

В.В.: Может. Но тут интересная штука. В спектакле «Заколдованный лес», мне передали куклу Албасты, с которой до этого работал другой актёр. Я никак не мог с ней управиться, а потом понял - сначала с куклой нужно подружиться! И где-то через пять спектаклей мы нашли общий язык, всё пошло по-другому - она стала меня слушаться. Кукла - это живое существо. Например, вот эта кукла-солдат. Если ты пришёл на работу в плохом настроении, никогда с ней не сработаешься. Но с другой стороны, посмотришь на неё - и дурного настроения, как ни бывало.

Н.Л.: В кукольном театре, как и в драматическом, существует практика назначения двух актёров на одну роль. Конечно, главные задачи режиссёра, к примеру, что этот лев должен быть ленивым, толстым и умным, любой актер выполнит, но у каждого характер персонажа всё равно получится свой.

- Наверное, артист театра кукол менее эгоистичен, чем драматический, ведь он не сосредоточен только на себе?

В.В.: Да, наверное. Как ты срастёшься со своей куклой, так она и будет себя вести, у неё появятся характерная мимика, движения. Это одинаково справедливо для всех типов кукол: марионеток, перчаточных, петрушек. Если ты через вожатку передашь кукле свою энергию, то зритель почувствует волшебство. Хорошо сделанная тростевая кукла имеет много возможностей: она становится продолжением руки актёра-профессионала. А бывает и так, что кукла смотрит на актёра и говорит: «Ты неправильно меня ведёшь». Это удивительно, но кукла может не слушаться актёра, а может ему помочь. И самое главное правило для нашего театра: роль принадлежит кукле, главная - она, а не актёр.

- Актёры не ревнуют куклу к роли?

В.В.: Молодые актёры часто этим грешат. А я всегда говорю: «Если актёр чувствует, что он сильнее куклы, он обманывает себя». Зрители должны видеть куклу, а не актёра: именно для этого во многих театрах актёрам придумывают скрывающие тёмные костюмы и шляпы.

- Идёт ли молодежь работать в театр кукол?

В.В.: Большой вопрос... В институтах они учатся, а потом... Рыба ищет, где глубже, а человек - где лучше. Мало кого можно заманить на периферию. Семейных можно привлечь разве что квартирой и социальными благами. А чаще всего актёры едут «на режиссёра», хотят, чтобы мастер раскрыл в них таланты.

У нас и сейчас нет своего режиссёра. Приезжают со стороны, ставят спектакли. Конечно, мы мечтаем о своём «папе»: с постоянным постановщиком работать легче, ведь он изучает возможности и таланты актёров. Свой режиссёр не даёт заштамповаться, а приезжим некогда разбираться в нюансах.

- Ахматова говорила: «Когда человек умирает, меняются его портреты». А куклы, которые долго не играли, меняются?

Н.Л.: Конечно! Ведь работая, актёр каждый день вдыхает в куклу жизнь, а потом она остается совсем одна...

В.В.: Расставание - очень тяжёлый момент. Я иногда поднимаюсь в комнату, где у нас хранятся старые куклы. Они так грустно смотрят на меня и как будто говорят: «Предатель, забыл про нас. Висим тут на гребёнке, а ты уже с другими работаешь». В спектакле Марка Койфмана «Ты для меня» у меня был герой-слонёнок, ужасно тяжёлый (девять с половиной кг) и неудобный. Но я до сих пор вспоминаю его живые уши, понимающие глаза.

- А для того, чтобы лучше чувствовать повадки животных, вы ходите в зоопарк, наблюдаете за ними в природе?

В.В.: Многим актёрам этот приём помогает, но я и так очень наблюдательный. Хотя, лукавлю, вот уже скоро 25 лет будет, как я работаю в зоопарке и ухаживаю там за певчими декоративными птицами. Три года назад привёз страусов, а сейчас уже год маленькому страусёнку, который родился в нашем зоопарке. Видите, я всё-таки исполнил мечту детства. Один режиссёр даже сказал мне: «Василий, по-моему, у тебя театр - это хобби, а зоопарк - настоящая работа».

- Работа никогда не конкурировала с вашей личной жизнью, как это часто бывает у актёров драматического театра?

Н.Л.: У нас двое детей - сын и дочь, а недавно родился внук. Актёрство не помешало нам создать полноценную семью. Когда мы приехали в город, сыну было 11 месяцев, а в год он уже пошёл в ясли. С дочкой я посидела в декрете уже полтора года. Так что жизнь шла своим чередом, но из репертуара мы не выпали. Наши дети выросли за кулисами. Пока мы работали на сцене, за ними присматривали коллеги.

- А домой вы приносите атмосферу театра?

Н.Л.: Мы стараемся этого не делать. Но бывает. Если идёт работа над новым спектаклем и нужно учить слова, или нам необходимо повторить свои сцены перед трудной репетицией...

В.В.: Она меня просто мучает (*смеется*)! Хотя, конечно, и у меня работа никогда не выходит из головы. Актёрство очень сложная круглосуточная профессия: ты и ночью просыпаешься - поёшь, и в автобусе вспоминаешь текст, чуть ли не проговаривая его вслух.

- Чем для вас за эти годы стал железнодорожный театр кукол?

Н.Л.: Для меня театр кукол - это второй дом. Сюда можно прийти со своими радостями, горестями, здесь всегда помогут и поддержат.

В.В.: За тридцать лет я поучаствовал во многих прекрасных постановках, познакомился с талантливыми режиссёрами, сыграл много интересных ролей. Но для меня это всё-таки только работа. Психологически очень трудная, но...благодарная. Каждый день мы выходим на сцену ради горящих глаз наших зрителей и ради тех добрых слов, которые наши режиссёры пишут в программках.

- Как вы думаете, у театра кукол есть будущее? Ведь сегодня у детей масса других развлечений.

В.В.: Я считаю, что театр кукол никогда не умрёт. Это необыкновенный, волшебный жанр. И поэтому я не особо приветствую выездные постановки, хотя без них театру не обойтись. Ведь спектакль, показанный в садике или в детском лагере, теряет самое главное - атмосферу и зрелищность.

Н.Л.: Компьютерные игры и мультики - это интересно, но там отсутствует важный элемент живого общения. В театре кукол действие происходит совсем рядом и по-настоящему. Мне кажется, этот жанр учит главному - сопереживанию, пониманию и добру.

В день свадьбы

С любимыми куклами

С любимыми куклами

Спектакль ...

Главная в ...